

ственному творчеству в области философии культуры и, что не менее важно, в области искусства общения, о чем и свидетельствует нижеприведенный текст.

Приложение

Г.А.Леман-Абрикосов Воспоминания (1900-е–1920-е гг.)

Постепенно, и как-то мало заметно для меня самого, стал образовываться кружок и у меня, в моем, тогда уже небезизвестном в московском обществе, кабинете¹⁴. Хотелось мне привлечь и Сергея Константиновича Шамбинаго, профессора русского языка нашего Университета. Встретив где-то его и зная его по очень далеким родственным отношениям, я сообщил ему это мое желание видеть его у себя. На это он мне сказал, что он будто бы неподходящий для этого человек, а вот у него есть приятель, которого он считает весьма для этого подходящим, и посоветовал мне этого его знакомого привлечь в мой кружок. Прошло немного времени, как мне как-то доложили, что меня желает кто-то видеть. Я вошел в мой кабинет и увидел крупную, видную фигуру мужчины лет пятидесяти с лишком. Впоследствии я узнал, что его в Петербурге постоянно принимали за великого князя Алексея Александровича – генерал-адмирала. Он назвался Андреем Павловичем Каютовым, тем самым знакомым Шамбинаго, о котором последний мне говорил. Я должен самым теплым, самым любовным словом помянуть этого милого Андрея Павловича. Знакомство это, вскоре перешедшее в большую дружбу и, смею сказать, во взаимную привязанность, имело для меня и даже для всей моей семьи огромное значение. Прежде всего, он оказался мужем большой московской знаменитости – Надежды Петровны Ламановой¹⁵. Из хорошей дворянской семьи, дочь гвардии полковника, она в молодые годы, уйдя из семьи и пережив неудачу в личной жизни – любимый человек, насколько мне известно, умер в ее объятиях, – открыла модную мастерскую. Она обнаружила огромный вкус и постепенно стала одевать дам самых высоких и самых богатых кругов московского общества. У нее стали одеваться не только дамы московского

купечества, но и аристократия, так, в частности, она одевала великую княгиню Елизавету Федоровну, жену московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, родную сестру государыни. Была она приглашена также и к самой царице, но они как-то «не сошлись характерами» и это отношение оборвалось... Я смело утверждаю, что то, чем Станиславский был в области режиссуры, то была Надежда Петровна в области костюма. Недаром они так хорошо понимали друг друга, и после революции много лет, до самой кончины Надежды Петровны работали вместе. Именно ее костюмы мы видели в многочисленных постановках Художественного театра и <театра им. Е.Б.> Вахтангова – «Женитьба Фигаро», «Зойкина квартира», «Принцесса Турандот» и др. Надежда Петровна продолжала также одевать отдельных обрабатывающихся к ней дам. Для этого у нее в комнате всегда стояло несколько манекенов, на которых иногда бывали надеты платья. Хорошо помню, как однажды, придя к ней, я увидел на одном из манекенов замечательной красоты платье тонкого теплого серого цвета, чудесно драпирующее фигуру. Я немедленно бухнулся на колени и положил этому платью-шедевр... земной поклон. Как-то я сказал Надежде Петровне: «Надежда Петровна, вы – гениальны!» На что она, как бы удивившись, что в этом можно сомневаться: «Конечно!» Да, я не преувеличиваю, она в своей области была действительно гениальна.

В моей жизни, повторяю, супруги Каютовы сыграли очень большую и очень добрую роль, как в области чисто житейской, так и в области умственной. Очень скоро после нашего знакомства Андрей Павлович пригласил меня к себе, познакомил меня с Надеждой Петровной и просил посещать их регулярно, назначив для этого среду. А через некоторое время Андрей Павлович сообщил, что познакомился где-то с Котляревским¹⁶ и пригласил его также посещать их по средам. Как и я, Котляревский принял приглашение и мы стали регулярно сходитьсь каждую среду вечером к Каютовым. Таким образом, у нас образовался свой кружок, состоявший из четырех лиц – супругов Каютовых, Котляревского и меня. Каждую встречу мы посвящали какому-нибудь определенному вопросу. Кто-нибудь, обычно, конечно, Котляревский или я, предлагали какую-нибудь тему, которая затем и обсуждалась. Я помню ряд очень интересных вечеров с сообщениями Сергея

Андреевича, например, то сообщение «о рождении цветов», о котором я уже упоминал. Помню замечательно интересный рассказ Сергея Андреевича о встречах и разговорах со Столыпиным, тоже саратовским помещиком, рассказ, занявший два вечера, и некоторые другие. Сам я, в то время изучавший славянофилов, сделал ряд сообщений, посвященных этим доблестным деятелям русской культуры, так гнусно-цинично забытым последующими поколениями русских людей. А до какого падения мы в этом отношении дошли еще позднее, – я буду иметь еще возможность рассказать ниже. Наши встречи на лето прерывались, однако прерывалась только их строгая регулярность, но мы неоднократно выезжали с Сергеем Андреевичем на дачу к Каютовым, когда они жили на Сходне, где мы неизменно обедали под высокими березами и продолжали наше «зимнее» общение. Короткое время наш маленький кружок, уже после революции, пополнился еще одним лицом – интересным и умным князем Алексеем Дмитриевичем Оболенским¹⁷, бывшим обер-прокурором Святейшего Синода, в свое время товарищем министра финансов известного С.Ю.Витте. С князем я уже был знаком, познакомился я с ним у Бердяева, а потом князь неоднократно бывал у меня, в моем кружке. Князь внушал мне большое уважение, и я всегда прислушивался к его высказываниям. Все, что он говорил, было всегда умно и интересно. Вскоре князь эмигрировал и мы его, к сожалению, потеряли. В те дни никто улиц не расчищал и, уйдя от Каютовых¹⁸, мы пробирались через сугробы по заснеженной Остоженке. Наш маршрут шел, так сказать, от квартиры до квартиры: мы завертывали в Полуэктов переулок, где жил я и потом отставал от моих спутников, потом они шли дальше Мертвым переулком, где жил князь, а затем уже в одиночестве продолжал путь Сергей Андреевич в переулок Николы Плотника¹⁹, где у него был свой дом. Помню, князь при этих шествиях неизменно нес фонарь – никакого освещения на улицах не было. Это был самый примитивный фонарь, какой употреблялся специально в конюшнях; в нем горела старинная свеча. Князь все шуточно форсил, что «все удовольствие стоит двадцать копеек: 15 копеек фонарь и 5 копеек свеча». Слышал я, что при проезде за границу через Финляндию у князя были какие-то осложнения, его не пропускали. И слышал, что Н.А.Бердяев по этому случаю удивлялся и возмущался, что «рюриковича могли заподозрить в большевизме»...

...Я возвращаюсь к Котляревскому. Наружность его была вполне удивительная и бросалась в глаза в любом обществе. Если бы меня спросили, в чем именно была эта особенность, я бы без малейшего колебания должен был ответить – в уродстве. В самом деле, он был на редкость некрасив. Но, как известно, уродство не мешает значительности и эта значительность была вполне выражена в лице Сергея Андреевича. Мне казалось, в нем было некоторое сходство с известным «цукконе»²⁰ ... знаменитого Донателло, высоко на колокольне флорентийской кампанилы. Поразителен охват этим художником человеческого лика, можно сказать, что он охватил, так сказать, весь диапазон человеческого облика. Стоит только вспомнить созданные им такие «полярности», как изумительная грация, красота, женственность его Благовещения, помнится, в Санта Кроче – прекрасная копия у нас в Музее – а, с другой стороны, почти истерический ужас на лицах оплакивающих Христа и уже упомянутый цукконе, Поджо Браччолини²¹ и ряд др. Котляревский, мне кажется, как нельзя лучше поместился бы в эту «галерею» со своей удивительной наружностью. Иногда думалось, не разумнее было бы Сергею Андреевичу родиться в каком-нибудь флорентийском кватроченто, нежели в 70-х годах прошлого столетия в нашей мятежной и тогда уже мятущейся России. Наружность его, повторяю, не могла не обращать на себя внимание. И это внимание приходило к нему, если так можно выразиться, с двух сторон. Так, рассказывали, что заметная в тогдашнем московском обществе Любовь Ивановна Рыбакова, сестра писателя Георгия Ивановича Чулкова, на пари обещала Котляревского публично поцеловать, конечно, отнюдь не по влюбленности, к которой была склонна. И осуществила свое намерение на каком-то концерте в Благородном собрании – ныне Колонном зале. И передавали, будто Сергей Андреевич ей на это сказал: «Вы очень много о себе думаете». Но, с другой стороны, им заинтересовались и художники. Так, его зарисовал Андреев²², включив в свою замечательную галерею лиц, заметных на московском горизонте. Скульптурила его и Вера Игнатьевна Мухина, эта прелестная и талантливая женщина. Я много раз встречал ее у Каютовых, и она при мне обратилась к Сергею Андреевичу с просьбой попозировать ей. У Котляревского было поместье в Саратовской губернии – 900 десятин, на которых он и вел хозяйство. Он был избран в Первую Государственную

Думу, состоял, конечно, «как все» в кадетской партии, после роспуска Думы подписал Выборгское воззвание, был, как все «выборжцы», приговорен к трехмесячному тюремному заключению. Это заключение выборжцев не было в точном смысле наказанием; смысл его был в том, чтобы лишить их возможности быть избранным во вторую Государственную Думу. Для отбывания наказания Котляревский сговорился со своим коллегой по университету – Павлом Ивановичем Новгородцевым²³ и они вместе поехали летом, когда Университет не работал, в Дерпт, где явились, как я слышал, к губернатору и... сели. Помню, Сергей Андреевич мне рассказывал, что его угнетала мысль, что он будет «заперт». Он просил не запира́ть дверь его камеры, дав честное слово, что он никогда не будет ее открывать. Кажется, его просьба была удовлетворена.

В одну из встреч у Каютовых Сергей Андреевич предложил довольно неожиданную тему – ему захотелось рассказать нам о своей семье, что, мне кажется, свидетельствовало о его очень дружеском отношении к нам. Его мать, как он нам поведал, была урожденная Якоби, из семьи, страдавшей психическими ненормальностями. Были у него братья и сестры и, по его признанию, также подверглись этому несчастью. Я, грешным делом, невольно подумал, что и он сам не совсем нормален, и я едва ли ошибся. Только нужно сказать, что его ненормальность обернулась, так сказать, в положительную сторону, ибо его способности были поистине гипертрофированы, сверх-нормальны, охват его познания был много выше, чем отпускаемый Господом Богом даже очень одаренным людям. Наши каютовские встречи, столь для меня незабвенные, оборвались осенью 1927 года, когда начались мои «хождения по мукам». С огромной благодарностью вспоминаю я, какое близкое участие и Надежда Петровна и Андрей Павлович приняли в судьбе моей семьи. Трудно себе представить, как мои пережили бы то трудное время без неизменной помощи и моральной поддержки этих добрых друзей наших. Надежда Петровна пережила на ряд лет Андрея Павловича, и я постоянно ее посещал и всегда мне доставляло радость это мое общение с этой замечательной женщиной.

Сопоставление Ильина²⁴ и Котляревского интересно тем, что они были противоположны, кажется, можно сказать, во всех областях. Основное было, конечно, в их темпераментах, в их, так сказать, «исходном» отношении к жизни, к миру, к любви, к культуре.

Представим себе человека, стоящего в центре круга и стремящегося достигнуть окружность. Как известно, из центра к окружности ведет бесконечное количество радиусов. Ильин видел только один из этих радиусов и со всей силой своего внутреннего напряжения устремлялся по этому радиусу к намеченной цели. Он ничего не видел, ничем не отвлекался, что лежало по сторонам, не на его прямом пути. Котляревский, наоборот, стоя в центре, видел все неисчерпаемое множество радиусов, т. е. путей, которыми можно было идти к той окружности, к которой «на всех парах» несясь Ильин. И именно потому, что он видел все это множество и по своему огромному образованию, знанию, богатству восприятия видел все положительное, ценное, значительное, – находился в постоянной нерешительности. Самое богатство его натуры лишало его возможности узкого выбора одного какого-нибудь пути-радиуса. Умные французы говорят: «мы имеем достоинство наших недостатков». Это в полной мере приложимо к этим двум людям: ограниченность дарования, образования, способности восприятия, та анэротичность, которую в Ильине отмечал Бердяев²⁵, давали ему ту огромную силу утверждения, которая была основной чертой всей его личности. В свою очередь, всеохватность Котляревского, лишавшая его этой устремленности, обеспечивала ему огромную чуткость ко всему ценному и значительному в культуре и человеке. Было бы дико и нелепо предъявлять Котляревскому ту жестокую беспощадность в суждениях и поступках, которая была свойственна Ильину и отсутствие которой последний не прощал Котляревскому.

Как кончил Ильин – мне неизвестно, и неизвестно никому из нас, старых москвичей. Несколько лет тому назад я интересовался судьбой тех лиц, которые покинули наш Союз в 1922 году. В немецкой энциклопедии я нашел Бердяева, которому была посвящена большая статья Лосского, Франка, Степуна, даже неожиданно о Павла Флоренского, но Ильина найти не мог. Заглядывал в итальянскую энциклопедию и тоже Ильина не нашел. Единственное упоминание о нем, которое мне попало на глаза, было сообщение в наших газетах, что Ильин принимал участие в организации «херренклуба» в Берлине. Это было объединение крупных дельцов, настроенных, конечно, отнюдь не революционно и, как бы мы сказали, весьма классово. Ильин, несомненно, весьма подходил к

этой компании, не как «делец», каковым он, конечно, никогда не был, но по своему политическому настроению, крайне и убежденно враждебно относившийся ко всему революционному. Я помню, с каким раздражением он мне говорил, что он не успокоится до тех пор, пока не будет восстановлена прежняя, сметенная революцией, жизнь. Видя в Ильине непримиримого и страстного противника, власть не ошиблась, выслав его за границу. Незадолго до отъезда он был по какому-то поводу привлечен к суду. Я не помню этого повода, но помню, Ильин приезжал ко мне с просьбой выступить на этом процессе в качестве свидетеля, и мы втроем – он привез с собой одного приятеля – обдумывали план защиты. В назначенное время я прибыл в суд. Однако выступать мне не пришлось. После каких-то объяснений Ильина, процесс был прекращен и когда из комнаты свидетелей я вошел в зал заседаний, то видел, как Ильин протянул руку председателю суда, совсем молодому парню рабочего типа, и между ними произошла горячая «шекхендс»²⁶. Надо думать, что Ильин довольно рано умер, его туберкулез вполне мог его преждевременно свалить. В противном случае он, такой знаток Гегеля, блестяще владевший немецким языком, несомненно нашел бы работу в каком-нибудь из 25-ти немецких университетов, как нашел ее Федор Степун. Замечу попутно, что Степун считался любимым учеником Виндельбанда, известного профессора философии Гейдельбергского университета. Здесь, в Гейдельберге, я впервые и увидел его.

Совсем иначе кончил Котляревский. Последний раз я встретил его на улице, на Красной площади. Мы обнялись и поцеловались. Потом я слышал, будто он попал, как это ни странно, в лагерь, где и скончался. Но точно его конца я не знаю*.

Я не могу закончить мое краткое повествование о Котляревском не вспомнив ту «рану», какую он мне нанес, конечно, без всякого желания причинить мне боль. На одном из вечеров у Каютовых я прочел написанный мною диалог, под довольно странным названием: «Разговор между галлом, никак не могущим стать скифом, и скифом, никак не могущим стать галлом». Когда я прочел это мое «произведение», то Котляревский сказал про меня: «Настоящий писатель». В Москве не было человека более авторитетного для

* Узнал: Котляревский был арестован в 1937 г. и умер в 1940 г., где и как – неизвестно. В 1957 году его дочь получила извещение, что он реабилитирован.

подобного суждения, и лично для меня ничье мнение не могло быть более ценным. Не только пропал мой диалог, но и пропали те возможности, которые оправдали бы мнение Котляревского: всю жизнь я не мог писать, а то немногое, что я все-таки написал, – погибло. И всю жизнь это «напутствие» Сергея Андреевича звучало для меня жестокой насмешкой и вместо радости пролило много горечи на всю мою разбитую жизнь.

Примечания

- ¹ *Пастернак Борис*. Стихотворения и поэмы. Серия «Библиотека поэта». М.; Л., 1965. С. 632.
- ² Трубецкой Сергей Евгеньевич, князь, сын философа Евгения Николаевича, участник попыток освобождения Николая Второго с семьей из тобольского заточения.
- ³ *Князья Трубецкие*. Россия воспрянет. М., 1996. С. 179.
- ⁴ *Пушкин А.С.* ПСС: В 10 тт. Изд. второе. М., 1958. С. 367.
- ⁵ *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. Уединенное. Смертное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. М., 1990. С. 60.
- ⁶ *Солодовников Н.А.* Семейная летопись. РГБ. ОР. Фонд 686, картон 3, ед. хр. 1, л. 46–47.
- ⁷ *Перцов П.П.* Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М., 2002. С. 270–271.
- ⁸ РГАЛИ, фонд 1796, оп. 1, ед. хр. 126, л. 7.
- ⁹ Там же. Л. 9.
- ¹⁰ С.Н.Дурылин и его время. Книга первая. Исследования. М., 2010. С. 45.
- ¹¹ Там же. С. 69–70.
- ¹² Там же. С. 51–52.
- ¹³ РГАЛИ, фонд 1796, оп. 1., ед. хр. 141, л. 57.
- ¹⁴ Полуэктовский переулоч, дом 6, кв. 3.
- ¹⁵ Ламанова Надежда Петровна (1861–1941) – художник по костюму. На парижской выставке 1925 года ее театральные костюмы были оценены высшей наградой.
- ¹⁶ Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) – историк, правовед, один из авторов знаменитого сборника «Из глубины» (1918).
- ¹⁷ Оболенский Алексей Дмитриевич, князь (1855–?), член Государственного Совета, сенатор.
- ¹⁸ Квартира Каютовых находилась в выходящем на Остоженку Еропкинском переулке, в доме № 4.
- ¹⁹ Квартира С.А.Котляревского находилась во флигеле дома 13 в Плотниковом переулке, снесенном в 1984 г. В том же флигеле жил М.О.Гершензон.
- ²⁰ Флорентийцы считали статую лысого Аввакума лучшим произведением Донателло (ок. 1386–1466). Известна под прозвищем «Цукконе» («Тыква» – так во Флоренции называли лысых).

-
- ²¹ Поджо Браччолини (1380–1459) – итальянский гуманист эпохи Ренессанса.
- ²² Андреев Николай Андреевич (1873–1932) – известный русский скульптор, автор памятника Н.В.Гоголю.
- ²³ Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – правовед, философ, один из авторов сборников «Проблемы идеализма» (1902) и «Из глубины» (1918).
- ²⁴ Ильин Иван Александрович (1883–1954) – известный русский философ, в 1922 г. выслан с группой ученых на знаменитом «философском пароходе».
- ²⁵ Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – известный русский философ, один из авторов знаменитых сборников: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918).
- ²⁶ shake hands (*англ.*) – рукопожатие.